

Э.С. Алпатова

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Рассматриваются современные проблемы цивилизации и устойчивого развития в информационном обществе, среди которых главными названы проблема бедности, геополитические и технологические риски. Показано, что эти глобальные вызовы, имевшие в XX веке формационное измерение, в условиях информационного мира XXI века приобрели явное цивилизационное измерение, в области которого лежит главный конфликт современности – между индустриальной и постиндустриальной цивилизациями. Одним из наиболее заметных проявлений данного конфликта в современном мире выступает противостояние конкурирующих западной и восточной цивилизаций с присущими каждой из них ментальными особенностями.

Ключевые слова: цивилизация, устойчивое развитие, информационное общество, общественно-экономическая формация, информационно-коммуникационные технологии, цифровая трансформация, Четвертая промышленная революция, кибертирания, глобальные риски.

E.S. Alpatova

CONTEMPORARY ISSUES OF CIVILISATION AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE INFORMATION SOCIETY

Abstract. The article deals with contemporary problems of civilization and sustainable development in the information society, among which the main ones are the problem of poverty, geopolitical and technological risks. It is shown that these global challenges of the XX century, which seemed to have a formational dimension, have taken on a distinct civilizational dimension in the information world of the XXI century, in which area the main conflict of our time – between industrial and post-industrial civilizations lies. One of the most notable manifestations of this conflict in the modern world is the confrontation of competing Western and Eastern civilizations, each with its own mental characteristics.

Keywords: civilization, sustainable development, information society, socio-economic formation, information and communication technologies, digital transformation, Fourth Industrial Revolution, cybertranny, global risks

Современный мир переживает становление новой общественно-экономической формации. Этот термин сегодня непопулярен в научном лексиконе, поскольку принадлежит марксистской теории общественных формаций, хотя все более очевидным в мировой науке становится факт необходимости нового прочтения творческого наследия К. Маркса, в том числе марксовской концепции стадий экономиче-

ского и социального роста цивилизации, в свете происходящих глобальных изменений. Другими словами, марксистское учение сохраняет свое методологическое значение, по крайней мере в обновленном виде, и говорить о его смерти как минимум преждевременно.

Главным в сущности понятия «общественно-экономическая формация», с нашей точки зрения, представляется

Алпатова Эльмира Сунгатовна

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики, Российский новый университет, Москва. Сфера научных интересов: экономическая теория, экономика России. Автор более 170 опубликованных научных работ.

Электронный адрес: 589elsa@gmail.com

симбиоз существующих на определенной стадии общественной эволюции производительных сил и адекватных им производственных отношений. Формационному подходу противостоит цивилизационный подход – теории немарксистских ученых, среди которых доминирует концепция постиндустриального общества, получившая широкое признание после выхода работ Д. Белла в последней трети XX века. Наиболее близкими к ней являются теории информационного общества, постмодерна, «третьей волны» (термин Э. Тоффлера), так что современный этап развития земной цивилизации называют «постиндустриальное общество», «информационное общество», «экономика знаний», «инновационная экономика», «новая экономика». Это общество, в котором знания являются высшей формой информации, производством, хранением, переработкой и реализацией которой занимается большинство трудоспособного населения.

И в этом смысле цивилизационный подход не вступает в непримиримое противоречие с формационным подходом, во всяком случае не отвергает его, несмотря на то что многие исследователи склонны рассматривать их в параллельных плоскостях. Исходя из определения общественно-экономической формации, мы можем утверждать, что на современной фазе развития земной цивилизации практически безраздельно господствующей в глобальном мире является рыночная экономика

(капиталистическая – в терминах политической экономии). Вместе с тем мы наблюдаем кардинальное изменение производительных сил мирового сообщества, в которых определяющими являются развитие и внедрение информационно-коммуникационных технологий, результатом чего является цифровая трансформация обществ, бизнесов и государств, ознаменовавшая наступление Четвертой промышленной революции.

Ее начало условно относят к 2011 году, когда один из десяти проектов государственной Hi-Tech стратегии Германии до 2020 года был назван «Индустрия 4.0». В этом же году президент Всемирного экономического форума (ВЭФ) в Давосе Клаус Шваб сформулировал концепцию Четвертой промышленной революции, которая была оценена критиками как попытка установить новый мировой порядок при транснациональном управлении.

Под этими «теориями заговора» на самом деле существуют серьезные основания и опасения, позволяющие не относить переживаемый цивилизационный этап к принципиально новой общественно-экономической формации, а считать его «информационным капитализмом». Колоссальный диспаритет в богатстве и доходах между общественными классами, обуславливающий неравные возможности доступа бедных и богатых к услугам и благам информационно-коммуникационных технологий, не сокращается, а увеличивается в ре-

Современные проблемы цивилизации и устойчивого развития в информационном обществе

зультате цифрового разрыва [2, с. 2377]. Вопреки ожиданиям информационное общество предоставляет меньше возможностей для соблюдения социального равенства при работе с информацией, чем это имело место при переходе от аграрной к индустриальной экономике [2, с. 2376]. Цифровые технологии способствуют отчуждению человека от принятия решений, подменяя институт знаний институтом информации.

Этот вывод подтверждает практика цифровизации общества лидером цифровой гонки – Китаем, который демонстрирует первенство не только в сфере роботизации, но и в плане построения кибертирании, свидетельствующей о намерении поставить население под жесткий контроль при помощи новейших цифровых инструментов. Переход к цифровой экономике в Китае убеждает нас в углублении социальных противоречий в процессе этого транзита. Мы видим, что правящая коммунистическая партия Китая заимствует наиболее привлекательный инструментарий информационного мира – его технологический пакет, но отбрасывает адекватный эпохе постмодерна социально-этический пакет.

В этом же ряду находятся претензии ВЭФ на установление нового миропорядка, которые его критики усмотрели в рекомендациях форума в 2020 году по восстановлению экономики в постпандемийном периоде, представленных тогдашним принцем Великобритании Чарльзом и К. Швабом.

В 80-х годах XX века появилась концепция устойчивого развития, которая пришла на смену прежней концепции, ориентированной на охрану окружающей среды и борьбу с последствиями нерациональной хозяйственной деятельности людей. В настоящее время она является одной из

наиболее популярных и разделяемых мировым сообществом. Устойчивое развитие рассматривается, главным образом, с точки зрения необходимости соблюдения экологического баланса при решении социально-экономических задач и построения системы рационального природопользования. Важно, чтобы желательный экономический рост и повышение благосостояния людей достигались одновременно с созданием благоприятной экологической обстановки и не приводили к ухудшению качества окружающей среды и вырождению природных ресурсов [3, с. 37]. Таким образом, устойчивое развитие понимается как одновременное взаимодействие и развитие экологической и экономической сфер в рамках концепции «природа – общество».

Думается, что в современном общественном дискурсе наметился крен в пользу необходимости обеспечения перехода от экстенсивного природопользования к равносному, нацеленному на самовосстановление природы. При всей важности этой стороны концепции устойчивого развития необходимо помнить, что, наряду с учетом экологического фактора и обеспечением экологической эффективности, она предполагает еще и реализацию справедливых отношений между поколениями и внутри одного поколения.

Что такое справедливость, справедливые отношения? Очевидно же, что понимание этой парадигмы может существенно разниться в зависимости от принадлежности субъекта к той или иной социальной страте, однако мы говорим о точке зрения ученых по этому вопросу. В качестве главной, определяющей черты справедливости они, как правило, подчеркивают отсутствие угнетения: эксплуатации, принимающей прежде всего форму реализации

коммерческих интересов привилегированных классов за счет интересов работников, бесправия, насилия, маргинализации [6]. Напротив, демократия, равноправие, социальная мобильность, плюрализм выступают критериями справедливости и справедливых отношений. Равноправие рассматривается в качестве основополагающего принципа, предполагающего исключение диспропорциональных преимуществ и без того привилегированных классов.

Формирование устойчивой эколого-экономической системы также должно быть нацелено на адекватное решение глобальных проблем в рамках экономического и социального кластеров, к числу которых можно отнести социальную дифференциацию, дефицит продовольствия, апофеоз насилия, растущую безработицу, ядерную угрозу, терроризм. Эксперты ВЭФ в качестве глобальных вызовов современности назвали в 2019 году в первую очередь экологические риски, а также геополитические и технологические угрозы [5]. Практически эти же глобальные риски в интерпретации Давоса доминировали в дальнейшем: болезни и климат – в 2021 году, изменение климата и рост социальной напряженности наряду с пандемией – в 2022 году.

С нашей точки зрения, в XXI веке гораздо более нетерпимые формы, чем проблема климата и экологии, приняли проблема бедности и колоссальный разрыв в потреблении между «золотым миллиардом» планеты, состоящим преимущественно из населения развитых стран, и населением развивающихся стран, для многих из которых актуальной остается проблема физического голода (страны к югу от Сахары в Африке, в Южной и Юго-Восточной Азии).

Наряду с проблемой бедности в качестве глобальных вызовов человечеству мы бы также выделили геополитические риски, выражающиеся в попытках военно-политического реванша со стороны стран, недовольных существующим мировым порядком и пытающихся пересмотреть существующие государственные границы; в политической несостоятельности наднациональных международных организаций (ООН, ОБСЕ, МККК), неспособных адекватно отвечать на угрозы в этой сфере.

В условиях информационного мира особую важную значимость приобретают технологические риски, связанные с негативным влиянием «Индустрии 4.0», которые находят проявление в масштабных кибератаках со стороны террористов и целых государств, беспрецедентном размахе хищения цифровых данных, непрекращающихся попытках установления кибертирании. Важность учета этих основополагающих для информационного общества рисков нельзя недооценивать, поскольку они провоцируются цифровыми технологиями, которые не могут быть социально нейтральны, и их последствия напрямую зависят от намерений использующих их акторов. Современный мир находится в точке технической сингулярности. Цифровые технологии предоставляют социуму невиданные ранее возможности и решения и одновременно могут способствовать реализации негативных социальных рисков в виде кибертирании, слежения за собственными гражданами, установления камер для распознавания личности и т.п., представляющих угрозу для современного общества, расценивающего принцип приватности личности как неотъемлемый элемент свободы.

Критически важно, чтобы осуществляемый Россией переход к цифровой экономике был адекватен целям устойчивого

Современные проблемы цивилизации и устойчивого развития в информационном обществе

развития и способствовал развитию социальных институтов (нравственности, норм поведения, критериев оценки) во избежание их дегуманизации. Первоочередными задачами России в этом направлении продолжают оставаться те, по которым она значительно отстает от развитых стран, – ликвидация нищеты, преодоление социальной поляризации населения по доходам, развитие медицины и увеличение продолжительности жизни, сохранение и возрастание человеческого капитала. Согласно данным ВЦИОМ, в 2020 году 28 % населения с трудом хватало средств только на продукты питания, а 6 % не хватало даже на еду. То есть 34 % населения живут в нищете, фактически выживают [1]. А по данным Федеральной службы государственной статистики, только 2,7 % населения в 2019 году имели денежные средства, достаточные для покупки всех необходимых им товаров [4].

Приведенные нами примеры свидетельствуют о том, что существует тесная корреляционная связь между характером цифровой трансформации и этикой конкретного общества, ее реализующего, и доминирующих в нем ценностных ориентаций. По мнению ученых, работающих в данной парадигме, главный конфликт современности заключается в противостоянии двух цивилизаций – индустриальной и постиндустриальной, спусковой механизм которого состоит в различии менталитетов, собственных той и другой эпохам. Носители индустриального менталитета, активно внедряя технологический инструментарий эпохи постмодерна, стремятся всячески выжить в новой реальности с помощью социально-этического пакета, присущего индустриальной цивилизации.

Это противостояние окончательно оформилось в середине XX века и внеш-

не выглядело как формационное противостояние капитализма и социализма, в первую очередь США и СССР, военно-политических блоков стран НАТО и стран Варшавского договора. Между тем эти формационные процессы были латентным до поры до времени проявлением фундаментальных цивилизационных процессов, и в XXI веке это стало очевидно. Внезапно выяснилось, что глобальный информационный мир наряду с привычными нам измерениями (национально-государственным, геополитическим, экономическим) имеет еще и более скрытое цивилизационное измерение, в котором главными конкурирующими акторами выступают западная и восточная цивилизации.

В основе этой то эксплицитной, то имплицитной конфронтации лежит диаметрально противоположность политических форм государственного управления. На одной стороне находятся авторитарные режимы и диктатуры, внедряющие в коллективное сознание нарративы о необходимости лидера-мессии и эффективности авторитарного управления. Другая сторона представлена странами представительной демократии, для которых характерна приверженность западной логоцентрической традиции с ее идеалами свободы, прогресса, справедливости. К сожалению, старые демократии непоследовательны в отстаивании этих принципов вследствие своего бюрократизма, подверженности коррупции, недостатка ярких политических лидеров. Преодоление и решительное избавление мирового демократического сообщества от этих пороков является необходимым условием решения современных проблем цивилизации и устойчивого развития в информационном мире.

Литература

1. ВЦИОМ: 28 % россиян не могут позволить себе купить одежду, 6 % – даже еду. URL: <https://www.znak.com> (дата обращения: 15.09.2022).
2. Молчанова В.А. От умного города к городу справедливому: проблемы устойчивого развития в условиях цифровой экономики // Креативная экономика. 2019. Т. 13. № 12. С. 2371–2386.
3. Пустохина Н.Г., Валиев В.Н. Концепция устойчивого развития: основные положения // Известия Уральского государственного горного университета. 2015. № 2(38). С. 37–41.
4. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2019 году // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_102/Main.htm (дата обращения: 15.09.2022).
5. World Economic Forum. The Global Risks Report 2019. URL: <https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-fnnual-meeting-2019> (дата обращения: 14.09.2022).
5. Young I.M. Justice and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 2011.

References

1. VCIOM: 28 % rossiyans ne mogut pozvolit' sebe kupit' odezhd, 6 % – dazhe edu. URL: <https://www.znak.com> (data obrashheniya: 15.09.2022).
2. Molchanova V.A. (2019) Ot umnogo goroda k gorodu spravedlivomu: problemy' ustojchivogo razvitiya v usloviyax cifrovoj e'konomiki [From a smart city to a fair city: problems of sustainable development in the digital economy]. *Creative Economy*. Vol. 13. No. 12. Pp. 2371–2386. (In Russian).
3. Pustoxina N.G., Valiev V.N. (2015) Konceptiya ustojchivogo razvitiya: osnovny'e polozheniya [The concept of sustainable development: the main provisions]. *Proceedings of the Ural State Mining University*. No. 2(38). Pp. 37–41. (In Russian).
4. Doxody', rasxody' i potreblenie domashnix xozyajstv v 2019 godu // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_102/Main.htm (data obrashheniya: 15.09.2022).
5. World Economic Forum. The Global Risks Report 2019. URL: <https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-fnnual-meeting-2019> (accessed: 14.09.2022).
5. Young I.M. (2011) *Justice and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press.